

Чжэ Чауи погладил мои волосы, словно взъерошивая их. Большое чужеродное ощущение внутри меня заставляло мой живот снова и снова вздуваться. Наблюдая за плечом Чжэ Чауи вблизи, боль уже не была такой сильной — будто если не видеть, то и не страшно.

Ах, как хорошо. Как хорошо...

...Должно быть, я снова сошёл с ума.

Должно быть, я опьянел от того странного эффекта, который Чжэ Чауи оказывает на меня.

Мне не противны его прикосновения.

Я даже рад им.

Если бы он всегда обращался со мной так нежно, я думаю, я был бы счастлив каждый день без тревог.

Мне хорошо, когда он крепко обнимает меня.

Мне радостно, когда он мягко успокаивает меня.

Я чувствую себя более ценным человеком.

Я чувствую себя более... живым.

— Сон Морэ....

Позвал меня Чжэ Чауи. Но я не мог ответить. Мой рот был забит его губами. Это был тот же самый рот, который только что был наполнен его плотью, тот же самый рот, который был осквернён чем-то отвратительным — будь то сперма или предэякулят, — и всё же он всунул свой язык в этот грязный рот.

Что ж, Чжэ Чауи — тот, кто облизывал и сосал мои шрамы на губах.

— Уф, уф....

Маленькая судорога пробежала по моему животу. Мягкий поцелуй, успокаивающий мои слёзы, был лишь обманом. Нежные объятия и медленные движения были лишь временными.

Чжэ Чауи отодвинул свой пах от меня. Его плоть почти выскользнула из моего тела. Я почувствовал, как толстая головка зацепилась за узкое отверстие — ощущение одновременно незнакомое и ужасающее.

Тревога сжала мои плечи, и тут же, с глухим ударом, его плоть вонзилась обратно, сминая мои внутренности.

С забитыми губами я издал сдавленный крик. Чжэ Чауи жадно сосал мой язык, продолжая толчки.

Звук хлопающей плоти был яростно быстрым. Плоть, вонзающаяся в мой живот, казалась более свирепой, чем прежде. Моё тело чувствовало себя так, будто его разрывали пополам, внутренности сдавливались вверх, а жар был настолько сильным, что казалось, его плоть вот-вот расплавится.

Я был захвачен и сверху, и снизу. Всё, что я мог, — это бессмысленно извиваться. Затем:

Моя поясница дёрнулась вверх. Глаза плотно сжались, губы искривились. Всё тело окаменело от неконтролируемой дрожи. Это был момент, когда мой разум был поглощён странным и всепоглощающим ощущением.

Семя, извергнутое из моей плоти, разбрызгалось по нижней части живота Чжэ Чауи.

Удовольствие быстро обернулось болью. Пока я достигал пика, Чжэ Чауи вонзал свою плоть в меня ещё более грубо.

— Ха-ха...

Он смеялся, как счастливый человек, толкая меня сильнее. Его дыхание, перехваченное смехом, касалось моего филтрума, когда он кусал мою нижнюю губу. Га, га... Я издавал приглушённые стоны сквозь плотно сжатый рот, кончая с перерывами. Я извергался, извергался и извергался снова. В конце концов, из меня вытекло лишь несколько капель

спермы.

Но судороги становились всё сильнее. Удовольствие только росло, снова и снова.

Дрожа, я вскрикивал: уф, уф. Это был не звук, который я издавал по своей воле. Это даже не казалось моим собственным голосом.

— Ах...

Чжэ Чауи прекратил толчки только после того, как мой пах полностью промок. Когда он медленно вытаскивал свою плоть, моё тело сползло вниз вместе с ним. Затем Чжэ Чауи причмокнул губами, словно его что-то соблазняло.

— Сон Морэ... Не сжимайся.

Затем он схватил меня за ягодицы, приподнял их и полностью вытащил свою плоть. Я боялся даже этого — казалось, что вместе с его плотью вытаскивают и мои внутренние мышцы. Даже после долгого смешения тел и многократных извержений его плоть всё ещё была красной и твёрдой.

— Уф...

Почувствовав озноб, я вёл себя как можно тише. Я позволил своему телу обмякнуть, стараясь не делать никаких движений. Даже когда Чжэ Чауи сжимал и мял мои ягодицы, сводил мои

бёдра вместе и поднимал их, наблюдая, как его семя вытекает из моего болезненного отверстия...

Я ждал молча. Я боялся, что если буду бороться и сопротивляться, он может шлёпнуть меня... или неправильно истолковать мои действия и продолжить секс, который он едва прекратил, заявив, что он «возбуждён».

Болезненный жар заставлял мою задницу медленно сжиматься против моей воли. Я чувствовал, как сгустки спермы стекают по моим ягодицам. Звук вязкой жидкости, капающей на простыню, звучал как тук, тук. Затем Чжэ Чауи опустил голову и впился зубами в мою ягодицу.

Я прикусил губу, чтобы сдержать крик. Оставив следы зубов на моей ягодице, Чжэ Чауи даже с громким чмоканьем засосал это место. Я мог только смотреть на него в шоке, но он показал мне разочарованное выражение лица, уголки его губ опустились.

— На вкус не так хорошо, как выглядит.

...Что за... безумец ты такой?

Но я сдержался. Я должен был сдержаться. Спровоцировав его, я бы ничего не добился. Он был тем, кого я не мог остановить, что бы я ни делал. Даже сейчас моё тело болело так, будто меня двадцать раз ударили ногой в живот. Конечности ныли, низ живота горел, и глотать было трудно. Я не мог сделать больше... Я не мог больше выносить.

«Пожалуйста, остановись... Пожалуйста, прекрати...»

Я отчаянно молился внутри, и Чжэ Чауи отпустил меня.

Он мягко уложил меня на испачканную спермой простыню и устроился рядом, подперев подбородок одной рукой. Затем он посмотрел на моё тело.

Его кожа была как доспехи, мышцы — как камни, конечности — длинные и изящные, и даже руки и ноги были грациозными.

Рядом с ним я чувствовал себя снеговиком.

Но не обычным снеговиком, а тем, которого пинали и колотили прохожие.

Моё тело и разум были разбиты, оставляя меня бледным и распростёртым.

Словно насмехаясь над моим жалким состоянием, Чжэ Чауи снова и снова тихо посмеивался. Чувствуя вину за то, что оставил такого человека одного, и не спал ночами, беспокоясь о таком, как он... Я ненавидел себя больше, чем его.

Когда я сжал губы и проглотил свои сожаления, Чжэ Чауи правой рукой коснулся моих коленей, провёл по бёдрам и нажал большим пальцем чуть ниже пупка.

— Раньше твой живот был таким полным? Теперь он выглядит слишком плоским. Сон Морэ. У тебя анорексия?

Я был слишком ошеломлён, чтобы ответить на этот вопрос.

Никто в жизни не говорил мне, что я «худой». У меня точно не было тела, которое могло бы вызвать подозрение в анорексии. Когда я с рассвета выстаивался в очередь на бирже труда, меня брали сразу, потому что я выглядел как человек, способный справиться с любой работой, а в клининговой компании хвалили за силу и расторопность.

И всё же я понимал, что имел в виду Чжэ Чауи.

Я несколько дней нормально не ел, поэтому мой живот был особенно впалым.

Это была одна из бесчисленных причин, по которым я не любил секс. Как бы ни было хорошо сложено тело мужчины, оно не могло скрыть нищету, дошедшую до стадии голода...

Проглотив вздох, я открыл рот:

— Здесь....

И снова закрыл его.

Мой голос вырвался металлическим скрежетом, а не словами, будто голосовые связки были порваны.

Я попытался проглотить немного слюны, чтобы смочить горло, но влаги не осталось — только воздух. Даже это заставляло моё горло саднить, поэтому я нахмурился, но тут же разгладил лицо, боясь критики за плохой вид.

Не имея другого выбора, кроме как говорить жалким голосом, я сказал:

— Всё здесь... дорогое. Как вы знаете, я жил как нищий.

Ответ Чжэ Чауи был быстр, как всегда.

— Понятно. Ну и что? Ты же не платишь за это, так какая разница?

Его слова обесцветили мой разум. Казалось, меня ударили по голове камешком. Почувствовав себя обманутым, я рефлекторно спросил:

— Я не плачу за это?

— Ты думал, что тебе придётся платить?

Нет, это... нет... Нет... Лишь слабое эхо «нет» отозвалось внутри меня.

«Я действительно так думал... и три дня набивал живот энергетическими батончиками...»

Теперь это уже жалоба, но эти батончики были самой большой ошибкой и худшим недостатком Дешмента.

Такая еда не заслуживала называться пайком.

Эти энергетические батончики, уступающие в количестве и калорийности, были не лучше плохо испечённого печенья.

Какого чёрта они в каждую упаковку наугад запихивали изюм, словно это была засада?

Я лучше съел бы сухарь без сахара, чем эти батончики, у которых ничего не было привлекательного, кроме милого персонажа на фиолетовой упаковке.

<http://bllate.org/book/18111/1786495>